

КРОШКА

ПОВЕСТЬ

ОРХАН КЕМАЛЬ

Перевел с турецкого В. Никифоров

Рисунки И. Блюха

С тояла ясная ночь, без дождя, без ветра и снега. На трамвайных проводах на Бейоглу вспыхивали молнии, надрывный вой автобусов заглушал ляг трамвайных колес по рельсам.

Черноглазая Айтен шла между двумя некрасивыми женщинами. Высвободив руку, которую держала соседка слева, девушка взглянула на ручные часы:

— Одиннадцать почти что...

Айтен зевнула, прикрыла рот наманикюрными пальчиками.

Действительно, было уже около одиннадцати. То самое время, когда Бейоглу наводняют подвыпившие завсегдатаи кабачков на соседних улочках. Пропустив несколько стаканчиков дешевого вина, они считают своим долгом позволять себе вольности, приставать к женщинам. Смех пьяных проституток тонет среди шума автобусов, трамваев, гудков такси. Иногда вдруг раздастся свисток, послышится брань. Собирается толпа, зеваки протискиваются вперед, толкаются. А потом полицейские с помощью патрульных солдат, на рукавах которых синеют повязки с красными буквами ПГ¹, потащат кого-нибудь — а то и сразу нескольких — на улицу Бурса...

Очень часто случается такое на Бейоглу, однако на этот раз многолюдные панели были сравнительно спокойны. Тетка Пакизе с чрезмерно напудренным морщинистым лицом, с темно-вишневыми накрашенными губами ловила клиентов для своих девиц.

Продолжение. См. «Азия и Африка сегодня» № 5 и 6 за 1961 год.

¹ ПГ — первые буквы турецких слов «полис геревли» — «облеченный обязанностями полицейского».

Ее не прельщали напомаженные молодые пижоны с сигаретами в зубах, в белых сорочках с крахмальными воротничками. Ей были нужны — сегодня с деньгами, завтра нет — щедрые шоферы, которые где-нибудь в закусточных Сиркеджи² опрокинули по бутылке вина, закусив его салатом по-пастушески, наперченной котлетой или аданским шашлыком. Выискивая таких молодцов, она быстро бегающими блестящими глазами прочесывала толпу. Если найдет — не отступится. Продать сначала одну, потом другую, потом и третью девицу, положить дечгы в карман. И можно бы тогда зайти к торговцу горячими потрохами, дать отдых уставшему телу...

Сморщив свое некрасивое лицо и ускорив шаги, Пакизе заорала на какого-то парня, пристававшего к одной из девиц:

— Иди, иди себе, куда шел, скотина!

Молодой человек в синем пиджаке, белой нейлоновой сорочке, в туфлях-мокасилах, с блестящей от бриолина черной шевелюрой быстро обернулся:

— Что? Скотина? Ты мне это говоришь?

Рядом с ним оказались еще двое.

Они вышли из пивной, где, перемешивая пиво с водкой и добавляя туда вина, подмастерья из сапожных мастерских толковали о драках, тюрьлах и наживе за счет проституток — даром что не проходили еще и военной приписки. Людской поток разделил ссорящихся. Твое счастье, старуха! А то бы назавтра газеты рассказали всему миру: «Что значит обругать молодых парней». Они не зря носили во внутренних карманах пиджаков сапожные ножи...

Айтен во все глаза смотрела на одного из молодых людей. Толкнула локтем соседку слева:

— Вот душка-то!

— Кто?

— Не видишь что ли? Разве он не похож на Тайрона Пауэра³?

— Молчи, тебе говорят! — прошипели обе соседки. — Получишь ведь!

— Почему? Что я сделала? — еще шире раскрыла глаза Айтен.

— Вот скажем Эролу...

Нежная улыбка смягчила полудетское лицо Айтен. Затем оно снова стало серьезным.

— Эх, Эрол, сердце мое Эрол. Я бы его ни на кого не сменяла, да...

— Чего, чего?

— Наплевать ему на меня.

На девичье лицо легла тень безнадежности и печали.

— Почему наплевать? Видать, изменяла ты парню...

— Кто, я? Ей-богу, нет...

— Почему же тогда бросает?

— Откуда мне знать? Есть у него дружок один — Алтындиш. Привязался к Эролу: «От нее тебе счастья не будет». Сейчас, говорят, Эрол из другого клуба получил деньги, пятьдесят лир...

— Эх, дочка, за футболистами сколько таких Айтен гоняется!..

— Что же мы стоим! — спохватилась соседка справа.

От остановки Агаджами повернули обратно. Нужно было пересечь улицу, которая вела на Абаноз, и идти прямо к кинотеатру «Сарай», однако не успели. Выскочившее из соседней улицы бежевое такси преградило путь, ожидая знака полицейского — регулировщика уличного движения.

² Сиркеджи — район Стамбула.

³ Тайрон Пауэр — американский киноактер.

Тетка Пакизе подтолкнула Айтена сзади:

— Ну, чего встали, идите же!

— Такси, тетя.

— Эх вы, может, будете ждать его разрешения?

Когда, словно прыгающие воробьи, с Айтеном впереди девушки перебежали мостовую, шофер такси шутки ради тронул машину. Айтена вскрикнула. Тетка Пакизе и тут не выдержала, напустилась на шофера:

— Ну чего тебе, а? Скотина!

Не открой в этот момент дорогу регулировщик, здоровенный, в кожаной куртке шофер выскочил бы из-за руля... Быстро проезжая мимо них, он высунулся наполовину из окна, крикнул:

— Молись за регулировщика, колымага!

— Сам ты колымага! Ишак, ишачий сын!

Обернувшись к одной из спутниц, Айтена пробормотала:

— Влипнет когда-нибудь эта старуха, вот увидишь... Уж очень скверный у нее язык.

Возле лавки торговца орехами в свете стосвечевой лампы тощий, словно фитиль, старик протянул девушкам горсть подсоленных фисташек.

Айтена взяла, сказала «мерси».

Нахальный старик увязался за девушками. Одет в черный, старого покроя, с жестким воротником сюртук-редингот; галстук, завязанный узлом величиной с кулак, сбился на бок.

— Мерси, говоришь, моя сладкая? Мерси, моя радость?

Словно сокол, налетела на него тетка Пакизе:

— А ну проваливай, сморчок, иди своей дорогой!

— Почему?

— Еще и спрашивает! А почему-то есть у тебя?

Старик тихо рассмеялся:

— Смотри, это называют деньгами — чистая монета!

Старуха бросила алчный взгляд на вложенные одна в другую пятидесятилировые бумажки.

— Ну и что ты хочешь этим сказать?

Старик прищурил глаза:

— Вот тебе и ну. Видишь, да?

— Чувствую, да...

— Да?

— Возьму не меньше чем полста!

Старик присвистнул, дохнув чесноком:

— Сестра!

— Чего?

— Полста!.. А свидетельство есть?

Старуха подтолкнула девушек вперед:

— Какое тебе дело! По этим временам разве спорят из-за полсотни? Мясо — шесть бумаг, фасоль — пять, чечевица столько же. Да и то если повезет, честный торговец попадетс...

— Правильно, детка, правильно, однако ведь полсотней дело не кончится. И такси еще, и номер в гостинице, и выпивка...

— Если будешь жалеть масло да перец, не видать тебе вкусного блюда! У меня молодые девушки. Чего им у тебя понравится? Молодость твоя или красота?

— Ну тише ты, тише...

Тетка снова подтолкнула девушек, но старик не отставал.

— Стой, детка, стой, милая, куда ты спешишь? Разве наш брат не любит поторговаться? Что бы, скажем, сбросить трешку или пятерку...

— Как торговаться не люблю, так и людей обманывать. Аллах с меня не спросит за них. Я свое дело знаю. Они не из тех, что в публичных домах. У всех у трех женихи, словно львы. Ты не думай, они ведь налево работают. Узнали бы парни об этом...

Старик протянул пятьдесят лир.

— Хорошо, ладно, душа моя!

Женщина взяла деньги.

— Какую хочешь?

Старик указал на черненькую.

Пакизе повернулась к ней:

— А ну, иди, побеседуй с отцом!

Черная девушка поморщилась.

— Чего ты?

— Да ведь сморчок же, тетя!

— Плохо ли тебе, девка? С этого сорвешь.

— Сорву, как же...

— На тебя не угодишь! Если молодой, то ты говоришь, что всю ночь спать не дает, старый попадетс — недоволен...

Черненькая девушка медленно, нехотя выпустила руку Айтена, отстала. Старик взял ее под руку. Повернули назад.

Оставшаяся девушка в красной кофточке подошла ближе к Айтеном, зевнув, проговорила:

— Так спать хочется...

— И мне тоже, — вздохнула Айтена.

— Кто же нам попадетс, молодые или тоже сморчки? Она-то сейчас, будь здоров, подрежет беднягу-старика.

— Подрежет, бессовестная, жуть!

— А ведь страшна!..

— Не говори!

— Такие широкие бедра, что...

— Будь я на ее месте, зареклась бы узкие юбки носить.

— Хоть бы пальто надела...

— Мало ли я ей говорила?

— А ведь все равно мужчинам нравится... — в голосе девушки послышалось раздражение. — Никакого вкуса, что они понимают в женщинах! —

И, чтобы сменить тему разговора, она спросила Айтен:

— Ну, вы довольны новым домом?

— Очень.

— А ты после того дня не встречала Эрола?

— Не видела, моя сладкая. Бросил он меня. Эх, Эрол, сердце мое. Одно время его мать очень хотела, чтобы он женился на мне, да нет, не женился. А из фабричных девок выйдет ли жена? Среди столькох-то мужиков...

— Там у каждой их по несколько штук!

— И все стараются ущипнуть. Тетя моя так приставала ко мне: почему, дескать, я не поступила на фабрику.

— Не говори, сестрица. Тут вот место машинистки подвернулось в одной конторе, да я не пошла. Там ведь сразу какой-нибудь привяжется. Значит, вы довольны вашим новым домом?

— Еще бы. На старом-то месте что хорошего было? У всех на глазах. Нового ничего не наденешь, ни с кем не поговоришь. А сейчас? Целая квартира. Жильцы с одного этажа не знают жильцов с другого. Выйдешь утром из дому да и до следующего утра...

— Контракт на кого записан?

— На тетку. Хитрая баба, тетка моя. Хозяину дома так заливала...

— О чем?

— Будто бы она жена отставного каймакама⁴, и муж ее, дескать, умер... А сейчас пристала ко мне — давай купим гарнитур — кресла и канапе в салон...

— Так ведь и это нужно, сестра...

— Сама знаю, дорогая, знаю, да помаленьку надо, не все сразу. А ей что — идем, говорит, на торги с аукциона; плохо ли, хорошо — отхватим что-нибудь. Я не соглашусь. Чего мне ради платить деньги за старье? Уж брать, так новое. Как идти к туннелю, знаешь, напротив Лобона, есть мебельщик?

— Есть.

— Я там присмотрела ярко-красные кресла и канапе — с ума сойти! Во сне их вижу. Еще несколько месяцев потерпеть и...

— К ним хороший ковер нужно и новые занавески.

— После того как будет мягкий гарнитур, ковер, занавески, карнизы — это легче... Знаешь, о чем я думаю? Вот если бы Эрол помирился со мной да мы бы поженились, вместе нашу квартиру в порядок привели бы, а?..

— Сумасшедшая, чего ради ты выйдешь замуж и попадешь под власть какого-то мужика? Ты молодая, красивая, дела у тебя идут. Эх, мне бы на твое-то место...

— Что бы ты сделала?

— Что бы сделала? Денег бы накопила. Ведь сейчас у меня нет ни гроша, ей-ей! Сначала у отца была операция, теперь вот снова — у матери. Но это ладно. Из провинции родственнички подвалют — и конец. Что им стоит? Кричат: пожар, дескать, был. Рабстай, зарабатывай, а потом трать все. На мать да на отца — это куда — это куда ни шло, а тут еще всякие родственники. Слыхано ли нынче, чтобы в гости ездили да еще с детишками?

Тут подскочила тетка Пакизе, в гневе закричала:

— Точите ляды здесь! Вам сейчас хоть весь мир рухни, не заметите. Иди сюда!

Оставив ошеломленную Айтен одну, тетка Пакизе подвела ее подружку к очень смуглому, похоже-

му на шофера провинциалу. Перед витриной одного из больших магазинов поговорили о чем-то, из рук в руки быстро перешли деньги. Затем тетка Пакизе вернулась к Айтен:

— Вот если бы и тебя продать благополучно...

— Кто знает.

Тетка Пакизе громко зевнула:

— Э-хе-хе... Посмотрим, как вы отплатите за все мои труды.

Пошли дальше, к Галатасарай⁵. Когда повернули обратно, народу на улице заметно прибавилось. Кончился последний сеанс в кино. На трамвайных и автобусных остановках стояли толпы.

По дороге к кинотеатру «Ляле» вдруг встретился Алтындиш.

— Здорово, Айтен!..

Айтен остановилась:

— Здравствуй, ага-бей!

— Есть у тебя новости от твоего любимого?

— А что случилось?

— Что случилось — ногу сломал...

Если бы Айтен не схватила за стоявшую рядом женщину, упала бы на землю.

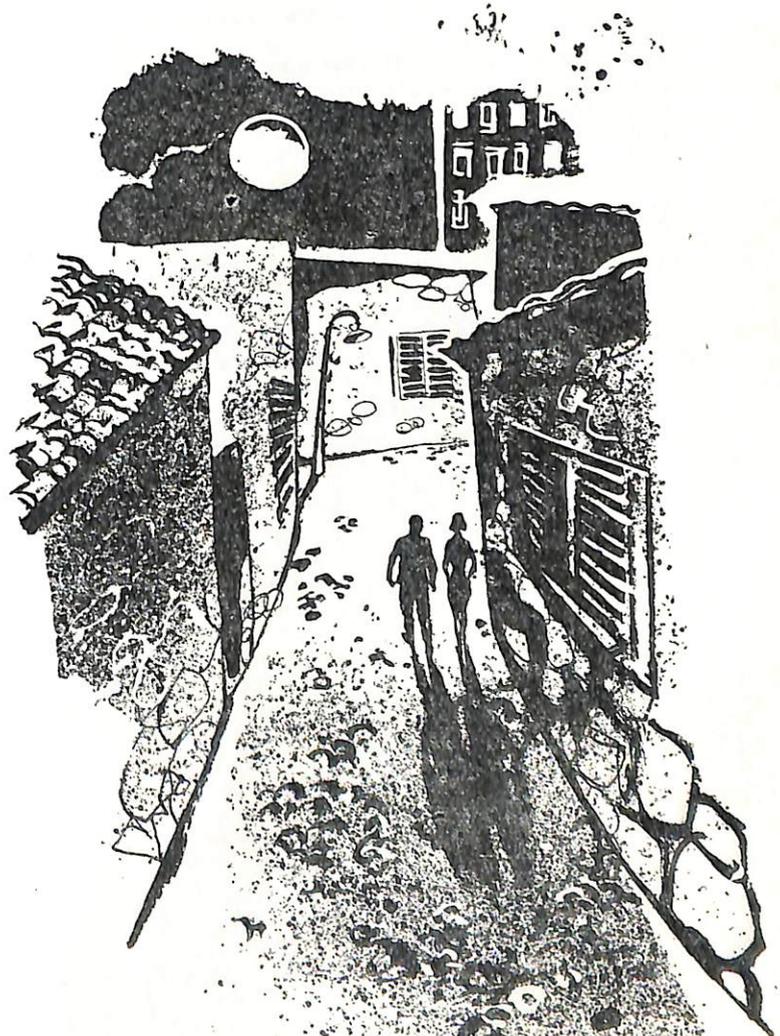
— Ногу сломал? Как?

— Запросто. Играл против своего старого клуба, вот и сломал!

— Ох!

— Сколько я ему говорил: «Эрол, не меняй клуб

⁵ Галатасарай — район в Стамбуле.

⁴ Каймакам — уездный начальник.

за пятьдесят лир!» — нет, не послушался. Человек за пятьдесят лир...

В разговор вмешался курчавый блондин, выглянувший из-за плеча Алтындиша:

— Хорошо, да ведь не брали его в старую команду. Что ему было делать?

— Конечно, не брали, — согласился Алтындиш. — Кто возьмет игрока, который с двух метров в ворота не попадает?

— Вот он и сменил клуб.

— Сменил, да ногу сломали — пожалуйста вам. Мне не так Эрала, как мать его жалко. Плачет все, бедная. Что она зарабатывает? То ли за квартиру платить, то ли на хлеб, или же докторам — Эралу ногу лечить, да на лекарство?

— А клуб? Что говорят?

Алтындиш передернул плечами:

— Клубу здоровые игроки нужны, сын мой, которые хорошо бегают, забивают голы да денег не просят. Я на краю поля стоял, когда кость у него хрустнула... Да чего тут болтать! Если немедленно не показать ногу врачу — хромым останется парень...

Айтен, широко раскрыв глаза, стояла и слушала говоривших.

— Пустое дело — этот футбол.

— Спорт, сынок...

Алтындиш подтолкнул блондина:

— Ну ладно, пока, Айтен.

Айтен не слышала. Все так же с широко открытыми глазами стояла она, покуда тетка Пакизе не дернула ее за руку:

— Пошли!

Медленно, нехотя поплелась Айтен вслед за тащившей ее теткой.

Внезапно на глаза Пакизе попался торговец орехами, тот самый, с грубым лицом, покрытым жесткой щетиной. Он шел медленно, не спеша. Оставив Айтен, Пакизе подбежала к нему:

— Здравствуй, бей!

Торговец был одет в плотное коричневое пальто. Крепкими зубами он грыз поджаренные орешки, бросая по одному в рот.

— О! Здравствуй, сестра! Какие новости?

— Новости у вас.

Торговец прищурился:

— Где Крошка? Где моя маленькая Крошка?

— Не спрашивайте. Ногу ее жениху сломали, в мяч играл. Вон стоит, переживает.

Обдав Пакизе запахом чеснока, торговец грубо рассмеялся:

— А ну, веди-ка ее сюда, я утешу!

— Одну минуточку!..

Но Айтен на прежнем месте не было.

...Задыхаясь, прибежала Айтен на площадь Тепебаши. Нужно сесть на долмуш и ехать дальше. Кто знает, как сильно болит сломанная нога, как страдает Эрал! После всего этого он, может быть, уж навсегда перестанет играть в футбол. Ведь клубу нужны здоровые игроки, которые хорошо бегают и не просят денег... Однако прежде всего сломанную ногу нужно бы показать доктору. Немедленно показать! Нельзя оставлять его на попечение темных старух. Интересно, были уже у врача или нет? Возможно, за счет клуба прислали. А если не прислали...

Возле девушки остановилась машина:

— Эй, Айтен!..

Алтындиш открыл дверцу:

— Ты в Аксарай?

— Да.

— Садись, поехали! Шофер свой.

Алтындиш немного подвинулся.

— Я вижу, ты рановато сегодня... Почему?

Айтен не слушала его. Сломанную ногу немедленно следует показать врачу. От своей тети она слышала, что если на сломанную ногу врач должным образом не наложит гипс, нога срастется неправильно. И для того чтобы выправить, ее снова нужно ломать.

Машина неслась с головокружительной скоростью. Мягкая тишина ночи, свист ветра, непрерывной лентой бегущие справа и слева огни, темные силуэты, освещенные окна...

Алтындиш прервал ее мысли:

— Ну, чего ты молчишь?

— Кто, я?

— Конечно, ты. Чего нахохлилась, словно зяблик?

— Не знаю...

— Если думаешь об Эрале, напрасно стараешься. Он-то о тебе не думает.

Айтен вздохнула:

— Я сама во всем виновата, знаю...

— Может, ты к нему сейчас едешь? Если к нему — не стоит. Он так сердит на тебя! Я ему сказал: «Послушай, ты, будь у меня такая невеста, как Айтен, я бы был благодарен судьбе». И ведь это не ложь. Мало что ли ты его харчила!

— Ничего я его не харчила.

— Ну ладно, ладно, молчу. И все-таки неблагодарный он. Да и мать его... Как она вчера схватилась с твоей теткой!

— С теткой? Из-за чего?

— Вы же заняли целую квартиру...

— Да.

— С матерью Эрала не поздоровалась твоя тетка. Чуть-чуть не вцепились друг в друга в волосы...

Вот что! Значит, не поздоровалась. Надулась от важности. Айтен хорошо знала свою тетку. В тот самый день они купили ей новое черное пальто. Чего она возомнила о себе, эта женщина? Ну, переехала в квартиру, ну, купила новое пальто — так сразу уж надо и важничать? Болтает направо и налево, что она вдова отставного каймакама... А если еще и мягкий гарнитур купить...

Айтен вспомнила о скопленных четырехстах пятидесяти лирах. Тетка тряслась над этими деньгами. Как только будет тысяча двести пятьдесят — так сразу к мебельщику, что напротив Лобона... Но нет, она уже не думала о гарнитуре. Кресла и канапе можно купить и через полгода, а то и совсем не покупать. Надо позвать доктора, чтобы он наложил гипс. Если не наложить...

Возле Аксарая вышли из машины. Алтындиш попрощался с шофером и вместе с Айтен погрузилась в темноту улочек, зажатых среди высоких домов.

— Куда мы идем сейчас? К Эралу?

— Нет, сначала к нам.

— Послушай меня, не ходи!

— Почему?

— Здорово они сердятся на тебя!

— И Эрал тоже?

— Он еще больше матери.

Темнота, совершенно черные улицы. Айтен спешит, часто спотыкается. Временами нога больно ударяется о камень. Повернув за угол, остановились у дома с заостренной крышей. Бледный свет луны, висевшей высоко над головой, слабо освещал дверь.

— Подожди одну минутку!

(Окончание следует)